

О пользе наук

Был в Китае богдыхан Цзан-Ли-О, — да сохранится его имя в памяти людей до тех пор, пока существует наше отечество. Он очень интересовался науками, хотя сам едва умел читать и поручал всегда подписывать своё имя другому, чем очень пользовались ближайшие мандарины.

Но так как, несмотря на это, он очень интересовался науками, то однажды Цзан-Ли-О и задал себе вопрос:

— Для какого дьявола они существуют на свете?

И он приказал в определённый день созвать всех учёных для всенародного допроса.

Желание сына неба — закон для земли.

У ворот всех университетов забили огромные барабаны, и глашатаи закричали:

— Эй, вы! Учёный народ! Бросайте-ка книги, идите в Пекин отвечать радости вселенной, нашему милостивому богдыхану, какую такую пользу приносят ваши науки.

В назначенный день на большой площади перед дворцом собрались все учёные люди Китая. Были тут такие старики, что их несли на носилках, но были и молодые учёные, которые казались старше самых старых стариков. Были учёные, так высоко задиравшие голову, что у них спинной хребет выгнулся назад, и они не могли бы с почтением поклониться при встрече даже самому богу. Были тут и люди, у которых спинной хребет сломался в угол от сидения за книгами. Были люди, очень награждённые за свою учёность. Были учёные с тремя, четырьмя, попадались и с пятью шариками на шапке. Были такие, которые носили трёхглазое павлинье перо. Были учёные и в зелёных куртках, и было даже несколько жёлтых кофт!

И все были, конечно, в очках, потому что очки, как известно, первый признак учёности. Учёные всегда близоруки.

Когда солнце вышло из-за облаков и засверкало на этих очках, богдыхан даже зажмурился.

«Как горят у них глаза! — подумал он. — Словно ждут прибавки жалованья».

И богдыхан, оглядев толпу и увидав, что всё в порядке, сказал:

— В никогда не прекращающихся заботах о благе наших детей-китайцев, решили мы выяснить вопрос: зачем это на свете существуют науки? Давно уже они существуют, и вот хотим мы узнать, для чего? А потому отвечайте нам прямо и откровенно, без утайки и безо всякой хитрости: зачем науки и какой от них толк? Начнём хоть с тебя! — указал он на знаменитейшего астронома.

— Сам сын неба, с неба я желаю и начинать. Так будет мне приличнее. Твоя наука самая высокая, ты первый и говори!

Знаменитый астроном вышел вперёд, отдал сколько полагалось по этикету поклонов и ласково сказал:

— Когда невежде приходится вечером выйти зачем-нибудь из дома, он, как свинья, смотрит только себе под ноги, а если и случится ему взглянуть на небо, он увидит только, что небо, словно оспой, покрыто звёздами. Другое дело, учёный астроном! Для него рисунки из звёзд — это слова, и он читает небо, как книгу: надо ли ждать наводнений, велики ли будут приливы и отливы вод, как будет светить солнце, сильно или не очень. Вообще, мы узнаём будущее.

— Будущее! Это любопытно! — сказал богдыхан. — А ответь мне: что делается теперь, в эту самую минуту, в Нанкине?

— Откуда же я могу знать это, светило вселенной! — униженно кланяясь, ответил астроном.

— Недурно! — воскликнул богдыхан. — Будущее-то вы знаете, а вот настоящего-то — нет! Лучше бы вы настоящее знали, чем будущее! Полезнее бы! А то будущее! Будущее! Самая, по-моему, твоя бесполезная и глупая наука! Следующий!

За астрономом стоял знаменитый историк.

Такой, говорят, историк, что знал по именам всех китайцев, которые когда-либо жили на свете!

Он распростёрся перед богдыханом и сказал:

— Образец добродетелей, великий правитель, равного которому даже я не знаю во всей истории Китая! Моя наука не возбудит, конечно, твоего мудрого гнева, как наука моего предшественника. Мы занимаемся прошлым. Изучаем его, отмечаем все промахи, ошибки, даже глупости.

— Наука, очень удобная для дураков! — воскликнул богдыхан. — Всякий дурак может сколько угодно безнаказанно делать глупости. Стоит ему сослаться на вашу науку: ведь глупости и ошибки, скажет он, делались всегда. Дурацкая наука! Убирайся!.. Ты чем занимаешься и какой толк от твоей науки?

Дрожащий учёный, к которому был обращён этот вопрос, поборол кое-как своё волнение и сказал:

— Мы изучаем вопросы государственного устройства. Как должно управляться государство, какие должны быть законы, какие права должны иметь мандарины, какие простой народ.

— Должны! Должны! — крикнул богдыхан. — Как будто на свете всё делается, как должно. На свете никогда не делается всё, как должно. Поневоле, благодаря вашей науке, всякий будет сравнивать то, что есть, с тем, как должно быть, и всегда останется недоволен. Самая вредная наука! Прочь с глаз моих! Вон!.. Ты что нам расскажешь?

На этот раз вопрос был обращён к доктору.

— Нашу науку, — отвечал он с поклонами, — все признают полезной. Мы изучаем свойства трав и что из какой можно сделать — из какой вытяжку, из какой порошок, из какой бальзам. Мы собираем корни женьшеня и учим, что из них надо отбирать — которые больше всего похожи на человеческую фигуру. Мы сушим молодые, ещё мягкие рога оленя, толчём их и делаем из них навар, густой, как клей, и целебный, как воздух весны: он как рукой снимает все недуги. Конечно, когда человек здоров, ему не нужна наша наука, но если он не уберётся и заболит, мы ему помогаем.

— Не уберётся! Пускай бережётся! — мягче, чем перед этим, но всё же с гневом, сказал богдыхан. — Только поощряете людей к легкомыслию. Решительно не понимаю, какой толк от всех ваших наук!

И, обратившись к знаменитейшему и величайшему поэту Му-Си, который жил как раз в это самое время, богдыхан приказал:

— Ты отвечай о пользе науки!

Му-Си вышел, поклонился, улыбнулся и сказал:

— Был у одного из твоих предков, сын неба, такой чудный сад, в котором росли такие чудные, душистые цветы, что не только пчёлы слетались со всей округи, но даже люди за милую и более останавливались, нюхали воздух и говорили: «Вероятно, сегодня дверь рая оставлена открытой». И забралась

однажды в этот сад корова. Увидав, что из земли много кой-чего растёт диковинного, она начала есть цветы. Пожевала розу, но бросила, потому что наколола язык. Пожевала лилий, пощипала резеды, левкоев, взяла в рот жасмину и выплюнула. «Совсем никакого вкуса! — сказала корова. — Решительно не понимаю, зачем это люди разводят цветы!» По-моему, сын неба, корове лучше бы и не задавать себе этого вопроса.

Богдыхан рассердился и сказал:

— А отрубите-ка ему голову!

Палачи сейчас же здесь же отрубили Му-Си голову.

И, глядя на обезглавленное тело Му-Си, богдыхан задумался.

Довольно долго думал, наконец, вздохнул и сказал:

— Один был умный человек во всём Китае, да и тот теперь помер!